

Г.Г. ВОДОЛАЗОВ

д. филос. н., профессор, Московский государственный институт международных отношений, вице-президент Академии политической науки

ЛЕНИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ: ВОДА ЖИВАЯ И МЕРТВАЯ (ЧАСТЬ I)

Аннотация. Ленин, подводя итоги уроков Октябрьской революции и первых лет послеоктябрьского развития, констатировал: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». Так был поставлен вопрос о необходимости создания теории обновленного социализма, соответствующего условиям XX столетия. Теории, которая решала бы задачу: как, выводя общества из тупиков капитализма, не ввергнуть его в другие тупики – тупики авторитарно-бюрократической системы. В этой связи анализируется сделанный Лениным вклад в теорию обновленного социализма. Ставится далее вопрос: что из ленинского наследия может быть включено («живая вода») в современную социально-преобразовательную теорию (об этом – в статье, публикуемой в данном номере журнала), что отброшено («мертвая вода») и чем оно может быть дополнено, исходя из реалий XXI столетия (об этом – вторая статья, которая будет опубликована в следующем номере)¹.

Ключевые слова: Октябрьская революция, военный коммунизм, нэп, социализм, плюрализм.

JEL: B14, B24.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10203.

Ленин – одна из сложнейших фигур в мировой истории... Это человек, чья мысль и воля явились в руках истории орудием, наверное, самой крупномасштабной из когда-либо предпринятых ею «проб» и едва ли не тягчайшей из совершенных ею «ошибок». И вместе с тем человек, который в остром споре с самим собой и с понятиями своего времени, во многом далеко его опережая, попытался эту ошибку исправить. Притом исправить движением не назад, а вперед. Вождь революции, толкнувший Россию на тупиковый, гибельный путь, и – мыслитель, прожектором своего уникального ума наполовину высветивший для нее перспективу спасения, которая и нынче лишь брезжит перед нами вдали».

Юрий Буртин. Другой социализм. «Красные холмы»

Да, эпитафия немного необычный. Во-первых слишком длинный («нормальный» эпитафия должен быть афористичным и кратким). И, во-вторых, он не вполне совпадает с главной идеей моей статьи («нормальный» эпитафия должен высвечивать центральную идею автора будущего повествования). А для меня неприемлемы все эти категоричные, чересчур негативные оценки: «Толкнувший Россию на тупиковый, гибельный путь» (имеется в виду

¹ Первоначальный (значительно сокращенный) вариант статьи опубликован в журнале «Социс» (2020. № 4).

Октябрь и его последствия), «человек, чья мысль и воля» привели страну к одной из «тягчайших» в ее истории «ошибок». Это все – не мое.

Но для меня этот эпитафия (кстати, моего близкого – и, увы, покойного – друга, с которым мы не раз выступали соавторами статей, остро критически оценивавших современное, постперестроечное, состояние России – тут мы с ним были полными единомышленниками), для меня, повторяю, этот эпитафия важен, ибо в нем афористично и точно высвечивается главная для меня мысль, что Ленин – это «человек, который в остром споре с самим собой и с понятиями своего времени, во многом далеко его опережая, попытался эту ошибку исправить. Притом исправить *движением не назад, а вперед*» (курсив мой – Г.В.). И еще более важная констатация: «Вождь революции...и – мыслитель, прожектором своего уникального ума наполовину высветивший для нее (России) перспективу спасения, которая и нынче лишь *брезжит перед нами вдали*» (курсив мой – Г.В.). Вот это – мое, целиком и полностью.

И еще. Эпитафия этот, содержащий как позитивные, так и негативные оценки Ленина, подготавливает читателя к тому, что и у меня не будет односторонней апологетики Ленина, что и у меня рассказ о достижениях ленинской мысли («живой воде», мощно стимулирующей сегодняшние теоретические поиски) будет сочетаться с критикой весьма существенных идей ленинизма (которые, подобно «мертвой воде» – если ее не выплеснуть – могут погубить ростки ленинского теоретического новаторства).

* * *

Расхожий афоризм: «Единственное, чему учит история, это то, что она ничему не учит». Да, так оно чаще всего и происходит: история ничему не учит, и, решая сегодняшние проблемы, люди расшибают лбы о те же стены, что и их предшественники.

Но история *может* научить. Только надо уметь у нее учиться. Уметь увидеть в истории ситуации, сходные с нынешней. Вглядеться, как решали возникавшие проблемы люди той поры, что им удавалось, и где они проваливались. Извлечь уроки из того и из другого. Понять причины провалов и постараться сегодня избежать их. Зафиксировать «удачи» и, оттолкнувшись от них, двинуться дальше, дополняя найденные когда-то решения новациями, соответствующими современным реалиям.

В послеоктябрьской России 20-х гг. ситуация напоминала нынешнюю. И проблема (не всеми идеологами и политиками тех лет осознаваемая) объективно состояла вот в чем: как, избавляясь от губительных отношений капитализма, не угодить в тупики тоталитарной системы?

Мыслителем, кто в те далекие годы понял эту задачу и попытался ее решить в теории и на практике, был В.И. Ленин. Правда, осознал он ее не сразу, лишь в самом конце своей жизни. Но успел (в своих последних статьях, диктовках, письмах, совокупность которых называют его «Политическим завещанием») положить *начало* ее решению. К сожалению, лишь *начало*. Но начало в высшей степени плодотворное, хотя и не получившее продолжение ни в теоретических работах самого Владимира Ильича, ни, что особенно печально, в практической деятельности послеленинского поколения политиков. Золотая нить новой, многообещающей теории социального развития была оборвана в самом начале.

Вот бы сегодня подхватить концы этой нити и продолжить ее, сообразуясь с нынешними обстоятельствами.

В чем же ценность завещаний Владимира Ильича? Что мы могли бы взять у него сегодня? Что им было недорешено? Где он ошибался? И какие коррективы и дополнения следует внести в его теоретико-политическое Завещание? Почему идеи его Завещания не были подхвачены и развиты последующим поколением политиков (вследствие чего мы и угодили в злоешие тупики тоталитарного «казарменного коммунизма», а затем – в конце

XX в. – в тупики государственно-олигархического капитализма)? Было ли в предлагаемых им решениях нечто такое, что облегчало приход к власти сталинщины, и от чего, в силу этого, мы должны сегодня решительно откреститься?

Вот примерный круг вопросов, о которых и пойдет речь в данной статье.

Ленинское наследие: живая вода

Тот Ленин, который в высшей степени актуален сегодня, начинается удивительным (мало кем замечаемым и мало кем понимаемым) утверждением: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» [*Ленин*. Т. 45. С. 376] (6 января 1923 г., статья «О кооперации»). Именно здесь, в этом тезисе, – главный итог его размышлений, анализирующих практику Октября и первых лет послеоктябрьского развития. И Ленин сам приступил к этому «коренному» пересмотру, положив начало новой теории общественного развития, новой концепции общественного строя, идущего на смену капитализму.

В чем эта принципиальная, поистине революционная, новизна состояла? Двинемся, шаг за шагом, по ступеням ленинского теоретического восхождения.

То, что капитализм с его «кричащими» (любимое ленинское слово!) социальными противоречиями, жестокой эксплуатацией, экономическими и политическими кризисами, порождающими кровопролитные войны, должен быть преодолен, это в XIX в. понимали многие. И призывали: одни – к глубоким, радикальным реформам, другие к «содрогающим» весь социальный мир революциям.

Наиболее разработанной и потому наиболее убедительной теорией рождения нового, приходящего на смену капитализму, строя была теория Маркса. Идеями, лозунгами этой теории руководствовались русские революционеры-большевики, первыми в истории приступившие к практической реализации идей Маркса. И преуспели: взяли власть в Октябре 1917 г., отстаивали свое право руководить страной в гражданской войне и стали продвигаться по пути строительства новой, «марксистской», «социалистической» России. И вот посреди этого, казалось бы, такого успешного революционного похода вождь большевиков вдруг решительно и категорично заявляет: нужно пересмотреть (и к тому же «коренным образом») все те установки и теоретические постулаты, которым они следовали.

Призыв вождя, действительно, был шокирующим.

Поражает теоретическая смелость и политическая честность Ленина. Ведь можно было, как обычно поступают политики, пересматривающие свои позиции, сказать: «Мы хорошо начали – в Октябре. Мы победили в гражданской войне. Власть мы держим крепко и в будущее смотрим уверенно. Но сейчас несколько изменились обстоятельства, и нам поэтому надо уточнить и несколько скорректировать некоторые наши прежние установки».

Это был бы не Ленин. Речь ведь шла не о второстепенных «поправках», не о каком-то легком косметическом ремонте, а о смене исторических Вех, о радикальном изменении Курса. И потому сказать об этом надо было ясно, громко, открыто, без запутывающего суть дела лукавства. Юрий Буртин хорошо прокомментировал эту черту ленинского стиля: «совсем не похоже на нынешний стиль» общения политиков с гражданами страны. «Нам, – пишет Буртин, – привыкшим слышать из уст властей только похвалы своей деятельности и ее результатам (а при явной катастрофичности последних – неопределенные признания в самой общей форме: да, были ошибки, но...), даже как-то странно читать такие, например, ленинские строки: «Здесь надо сказать, что мы должны ставить дело во всей нашей пропаганде и агитации начистоту. Люди, которые под политикой понимают мелкие приемы, сводящиеся иногда чуть ли не к обману, должны встречать в нашей среде самое решительное осуждение... Классы обмануть нельзя... Во всяком случае не должны стараться

прятать что-либо, а должны говорить напрямиком» (X съезд РКП, доклад о продналоге). [Десятый съезд РКП(б), 1963)]».

Конечно, для соратников Ленина это был шок. Его последние, «пересматривающие», статьи, идеи его «Завещания» плохо воспринимались узко и догматически мыслящими наследниками Владимира Ильича во главе со Сталиным. Прилагалась масса сил и хитростей, чтобы замолчать начатый Лениным «пересмотр». С его «завещательными» статьями и письмами знакомили выборочно, лишь узкий круг партийного чиновничества. А когда все же вынуждены были (под давлением Ленина) отправлять их в региональные партийные организации, то сопровождали их «разъяснениями» ЦК, в которых намекалось, что Ленин очень болен, что, в силу этого, он оторван от текущих дел, и потому надо осторожно относиться к его советам и рекомендациям. А одну из главных его статей («Лучше меньше, да лучше»), которую партийно-чиновничья бюрократия сочла наиболее для себя опасной, вообще пытались не пустить в печать. И даже (поскольку Ленин категорически настаивал на ее публикации) всерьез обсуждали возможность реализации предложения одного из сталинских сподвижников (Куйбышева), что неплохо-де, для успокоения Ильича, напечатать ее в «Правде» в одном (только для Ленина!) экземпляре. Первые зловещие звонки будущего политического маразма!

Своим прежним абсолютным авторитетом больному Ленину удавалось проламывать сталинские (похожие на тюремные) стены и добиваться публикации своих статей. Ощущал, однако, что нет уже жизненных сил и жизненного времени, чтобы довести свои новые идеи до конца, чтобы убедить партийную массу принять их как руководство к действию. Сталин, которому Политбюро поручило опекать тяжело больного Ленина, так изолировал его от встреч с товарищами, от знакомства с новостями политической жизни, что Владимир Ильич однажды заметил Крупской, что он ощущает себя, словно запертым в тюремных застенках.

Что же это были за идеи, которых так страшились его наследники, которые они глубоко закапывали и которые мы попытаемся откопать и вновь вернуть к жизни, идеи, которые, как живая вода, способны быть истоком современных теорий социальных преобразований?

Это были поистине грандиозные идеи, переворачивающие все прежние представления социалистов. Это был, действительно, «коренной» пересмотр всех прежних представлений о будущем строе, о социализме и о путях к нему. И эти идеи должны вернуться к нам сегодня. В них ключ к пониманию противоречий современной социальной реальности, к ответам на драматические вызовы нашего времени.

Что же «пересматривал» Ленин? Какие идеи, какие концепции он призывал отбросить?

Прежде всего – всю прежнюю экономическую стратегию и фундаментальные положения социалистической теории, ее определявшие.

В чем была суть прежней «точки зрения» на социализм, которую призывал пересмотреть Ленин?

Вот ее основные параметры.

Возглавляемые Лениным большевики шли на Октябрьскую революцию с идеей строительства – в ближайшей перспективе – социализма. Это означало:

1. Уничтожение частной собственности²;
2. Построение экономики на манер единой – в национальном масштабе – «фабрики», работающей по спускаемому сверху, из центра Плану³;

² «...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 438].

³ «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством оплаты» [Ленин В.И. ПСС. Т. 33. С. 101]. «Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства» [Ленин В.И. ПСС. Т. 17. С. 127].

3. Создание новой политической системы: народная власть в форме Советов;
4. Приход к власти через революцию, политическое насилие и продолжение «социалистического строительства» при опоре на «диктатуру пролетариата».

И вот через три с половиной года после «успешного», «победного» Октября Ленин констатирует, что все эти императивы и установки не дают ожидаемого – социалистического (да и вообще мало-мальски приемлемого для общества) – результата. Следование им ведет страну в тупики, социально-экономическое и социально-политическое болото, ввергает общество в тяжелые кризисные ситуации.

Мы думали, отмечал Ленин, что сможем быстро перейти к социалистическим формам деятельности – и в сфере экономики, и в сфере политики. В этих целях «мы» (то есть большевики) сразу после Октябрьской победы уничтожили (как и советовал Маркс) частную собственность на крупное промышленное производство, национализировали все основные институты частной собственности и попытались наладить взаимодействие между классами и социальными слоями, не прибегая к традиционно капиталистическим методам – торговле и рынку. «Мы» пытались организовать прямой, непосредственный обмен продуктами. «Мы» готовились к плано-государственному распределению всех продуктов и всех вообще ресурсов.

Формировалась в результате система так называемого «военного коммунизма», одним из ведущих принципов которого в отношениях между классами (пролетариатом и крестьянством), между государством и многомиллионной массой крестьянского населения был принцип «продразверстки». Государство «верстает» план взятия у крестьян хлеба, зерна, других сельскохозяйственных продуктов (как если бы «верстало» заводам и фабрикам план выпуска промышленной продукции, выплачивая из госбюджета зарплату рабочим). «Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нам нужное количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам – и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение» [Ленин, 1964. Т. 44. С. 157]. И тоже, по идее, крестьянам (также, примерно, как и рабочим) должна идти оплата их труда. Но поначалу – в силу бедности, разрушенности хозяйства страны (после Первой мировой войны и революционных потрясений) платить толком было нечем. И приходилось, скрепя сердце, прибегать к не очень симпатичным и не очень гуманным мерам. «Мы брали от крестьян все излишки, и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьян продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги (которые тогда были ничего не стоящими простыми бумажками. – Г.В.)» [Ленин, 1963. Т. 43. С. 219–220]. Это была тяжелая и жестокая мера. Но крестьяне, во время гражданской войны, ее приняли. Было понимание: хлеб нужен солдатам и рабочим для защиты тех же крестьян от помещиков и крупных землевладельцев, которым руководители белого движения обещали вернуть конфискованную, национализированную и переданную большевиками во владение крестьянам собственность. Крестьянам была понятна мысль Ленина: «Иначе (как прибегая к «военному коммунизму») и «продразверстке». – Г.В.) победить помещиков и капиталистов в разоренной мелкокрестьянской стране мы не могли» [Ленин, 1963. Т. 43. С. 220].

Крестьяне, повторяю, приняли политику «военного коммунизма» с ее «продразверткой». Но приняли, как необходимую, но временную меру. И потому, когда после победы в гражданской войне большевики попытались продолжить «коммунистическую» политику продразверстки, крестьяне сказали: «Нет! Довольно!» После того, как угроза помещичьей реставрации миновала, они уже отказывались по-старому, по военно-коммунистически, без всякой меры отдавать продукты своего труда государству. Они много веков все работали «на кого-то» – на дворян, помещиков, купцов, бурмистров. Теперь они желают поработать «на себя». А им подсовывают нового «хозяина» – государство. Зачем тогда революция?

Большевики натолкнулись на стену, на решительное сопротивление крестьянской массы. «К весне 1921 года, – констатировал Ленин, – выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке «штурмовым» способом перейти к социалистическим основам производства и распределения» [Ленин, 1964. Т. 44. С. 204]. И – «поражение» более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение гораздо более существенное и опасное» [Ленин, 1964. Т. 44. С. 159].

И самое главное, что тяжесть, опасность и масштабы этого поражения были связаны с еще более значительным фактором, чем сопротивление крестьянства социалистическим мерам. Этим мерам сопротивлялась сама История. Тупиковость ситуации вызывалась и более фундаментальными причинами.

У большевиков была неколебимая уверенность, что дорога в светлое будущее идет через национализацию, огосударствление, обобществление всего и вся. Все – через государство, и ничего – помимо государства! Они огосударствили крупную промышленность, железные дороги, финансовую систему, «огосударствили» деятельность рабочего класса. Осталось только «огосударствить» крестьянство: каждого крестьянина, каждое крестьянское хозяйство сделать частью той общенациональной «фабрики», которую в «Государстве и революции» намечал создать Ленин. И вот тут-то и выяснилось, что не только крестьянин не желает быть «деталью», «винтиком» общенациональной «фабрики», но и что в принципе невозможно «огосударствить», подключить к единой плановой экономике миллионы мелких, самостоятельных, разрозненных крестьянских хозяйств. Они атомизированы, между ними не протянуты связующие экономические нити. Их можно соединить, сделать частью единого экономического «конвейера» только двумя способами: либо продолжением военно-коммунистического насилия (вариант, примененный впоследствии сталинцами, вариант губительный для крестьян, для сельского хозяйства и для страны в целом, ибо безмерное и жестокое насилие *в мирное время* – путь к социальной катастрофе), либо торговлей, рынком⁴. По второму, гуманистическому и экономически эффективному, пути и предложил пойти Ленин.

Давайте запомним эту дату: 8 февраля 1921 г. Идет заседание Политбюро, решаются десятки насущных вопросов. Ленин на несколько минут отключается от шумной дискуссии и на клочке бумаге набрасывает строки: «1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом. 2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней разверсткой. 3. Одобрить принцип сообразования налога со старательностью земледельца в смысле понижения процента налога при старательности земледельца. 4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога».

Так зародилась новая экономическая политика – знаменитый НЭП.

А потом будет 15 марта 1921 г. X съезд РКП(б). Доклад Ленина «О замене разверстки натуральным налогом». И первый пункт принятой съездом резолюции: «...разверстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом» [Десятый съезд РКП(б), 1963. С. 608].

Все! Новая экономическая политика становится официально принятой стратегией развития страны.

Пункт второй резолюции разъяснял: «...налог должен быть меньше налагавшегося до сих пор путем разверстки обложения» [Десятый съезд РКП(б), 1963 С. 414]. После сдачи такого, значительно уменьшенного (по сравнению с разверсткой) налога у крестьян будут оставаться запасы (именуемые несколько нелепо: «излишки») хлеба, зерна, других

⁴ «Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью» [Ленин, 1964. Т. 44. С. 226].

сельскохозяйственных продуктов – с которыми он волен будет поступать по-своему (а не «государственному») усмотрению. Таким образом и будет возрастать объем работы крестьянина не «на государство», а «на себя», что резко повысит мотивацию его деятельности, производительность его труда (от чего, между прочим, выиграет и государство). «Все дело в том, – разъяснял на X съезде Ленин, – чтобы дать крестьянам стимул, побудитель, с точки зрения экономики. Нужно сказать мелкому хозяину: «Ты хозяин (*а не крепостной государства* – Г.В.), производи продукты, а государство берет минимальный налог» [Десятый съезд РКП(б), 1963. С. 414]. А оставшиеся у тебя, после сдачи налога, продукты ты можешь вынести на рынок, пустить в «оборот»⁵. «Этот самый «оборот» – стимул, побудитель, толчок для крестьянина. Хозяин может и должен стараться за свой собственный интерес (*работа «на себя»!* – Г.В.), потому что с него не возьмут всех излишков, а только налог, который, по возможности, нужно будет определить заранее» [Десятый съезд РКП(б), 1963. С. 413].

Иной читатель может удивиться тому, что мы с таким пафосом, так возвышенно пишем об этом сюжете – замене разверстки продналогом. Даже предлагаем запомнить какие-то даты, связанные с возникновением этой идеи. «Подумаешь, какое событие, – возможно, воскликнет он, – понизить крестьянам налог, дать им возможность образовавшиеся излишки открыто, легально, не «из-под полы» продавать на рынке и не бояться при этом, что их обвинят в «спекуляции», в нарушении государственной хлебной монополии. Ну, подправили немного налоговую, фискальную систему. Эка важность...».

А между тем важность эта громадная, можно даже сказать (не боясь впасть в преувеличение) – всемирно-историческая. Это был не просто ремонт фискальной системы. Это был настоящий социально-экономический переворот на практике, это была предпосылка пересмотра основ прежней социалистической теории.

Надо понять, разъяснял Ленин, что открытие дверей «обороту», «торговле», «рынку» – это открытие дверей капитализму. Это оживление капиталистических отношений в России, в стране, взявшей курс на социализм. А тут, пожалуйста, – распахивают двери капитализму. Так, весь парадокс, так, все дело и состояло в том, что только через «оживление» капитализма можно было двигаться к социализму в мелкокрестьянской стране. Это был ленинский ответ на задачу, «как строить... социалистическое здание в мелкокрестьянской стране» [Ленин, 1964. Т. 44. С. 151]: «Гвоздь вопроса в том, чтобы мы поняли, что ... капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворить нужды крестьянства. Необходимо дело поставить так, чтобы обычный ход капиталистического хозяйства был возможен, ибо это нужно народу, *без этого жить нельзя*» (курсив мой! – Г.В.) [Ленин, 1964. Т. 45. С. 85–86].

Вот так: через торговлю, рынок, оживление капитализма (без которого «жить нельзя») складывается новая, необычная социально-экономическая система: «социализм», дополняемый «капитализмом», или «капитализм», окруженный «социализмом». Система, которую можно было бы обозначить как «социализм-капитализм» или «капитализм-социализм» и которую Ленин назвал «государственным капитализмом».

С этим понятием Ленин выходит на принципиально новый уровень теории и потому в нем надо основательно разобраться. Тут масса теоретических тонкостей, которые нельзя упустить.

После доклада на X съезде о нэпе Ленин в заключительном слове заметил: «...то, о чем здесь многие, и даже большинство (! – Г.В.), из высказавшихся ораторов говорили

⁵ Резолюция X съезда РКП(б). Пункт 8: «Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства. Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота». Появилось важное слово «оборот», — синоним «торговли», «рынка» — слова, изгонявшиеся прежде Лениным из социалистического лексикона.

в своих речах и на что указывается в поданных записках, это – неизбежное усиление мелкой буржуазии, буржуазии и капитализма. «Вы таким образом открываете настужь, – писали некоторые в своих записках, – для развития буржуазии, мелкой промышленности и для развития капиталистических отношений» [Десятый съезд РКП(б), 1964. С. 440].

Вот ведь как: большинство участвовавших в прениях по ленинскому докладу полагает, что в результате нэпа страна скатится к капитализму (зачем тогда делали революцию?). Они против такого «скатывания».

А за пределами большевистской партии, в среде меньшевиков, эсеров и европейских социал-демократов такое «скатывание» приветствуется: большевики, наконец, повернулись лицом к реальности. Для социализма в России сейчас нет условий. Реален только буржуазный путь, о чем, кстати, мы (меньшевики и эсеры) говорили накануне Октябрьского переворота. Но большевики тогда нас не послушали. Вот и вынуждены теперь, после революционного эксперимента Октября, дорого стоившего российскому обществу, вернуться к тому, что мы им когда-то говорили. Ленин в своем докладе на XI съезде приводит сентенцию Отто Бауэра, одного из лидеров: «Вот они отступают; мы всегда говорили: революция – буржуазная».

Да ничего подобного, энергично возражает Ленин, ни к какому собственно капитализму мы не скатываемся. Мы поворачиваемся не к капитализму, как таковому, а к особому типу капитализма, который собственно классическим типом капитализма не является, ибо допускаемые нами капиталистические отношения окружены высоким социалистическим забором. У нас не «капитализм» возникает, а смешанное единство «социализма» и «капитализма». Это принципиально новое, невиданное в истории социальное образование. Это не подавление капитализмом социализма, но и не подавление социализмом капитализма. Это – «соревнование государственных и капиталистических предприятий», это – «практическое соревнование способов капиталистических и способов наших (то есть социалистических. – Г.В.)» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 89].

Для социалистов, большевиков, смысл такого соревнования: учиться у капиталистов – работать организованно, напряженно, стремясь получить возможно более высокую прибыль (которая будет использована для укрепления и развития страны). Учиться, ибо «за этот год, – отмечал Ленин, – мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать мы не умеем» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 80]. А «рядом действует капиталист... берет прибыль, ...он умеет» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 79]. А то «прибыли у вас нет, – обращается Владимир Ильич к неумехам-коммунистам, – принципы коммунистические, идеалы хорошие, – ну, расписаны так, что святые люди, в рай живыми проситесь, а дело делать умеете?» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 79]. Так, учитесь у капиталистов и через эту учебу повышайте силу социалистического уклада – не подавлением оппонентов (с помощью разных силовых структур во главе с ЧК, как практиковалось впоследствии у сталинистов), а обучением у них. Стремитесь продемонстрировать свое историческое превосходство цивилизованными, экономическими методами. «Нам надо выдержать соревнование с простым приказчиком, с простым капиталистом, купцом» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 81].

И, наконец, главную особенность нэпа, его место в историческом ряду мирового социального развития Ленин видит в том, что нэп – не просто какая-то на время провозглашенная тактика экономической деятельности, а, по сути, – новая общественная формация, которая, имея черты социализма и капитализма, тем не менее, не является ни тем, ни другим. Ленин называет это новое формационное образование «государственным капитализмом».

«Что это еще за мудрствования насчет «капитализма-социализма», «социализма-капитализма»? – восклицали воспитанные на догмах «научного социализма» ленинские оппоненты внутри большевистской партии. – В какой книжке Маркса можно вычитать подобную ересь? И что тут принципиально «нового» в понятии «государственного капита-

лизма?». «Госкапитализм есть капитализм, – возражал Ленину Преображенский, – и только так понимать можно и должно» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 117].

И – резкий ответ Ленина: «Я утверждаю, что это есть схоластика. До сих пор никто не мог написать такой книжки о капитализме в истории человечества, потому что мы это только впервые (! – Г.В.) теперь переживаем. До сих пор сколько-нибудь путные книжки о госкапитализме писались при таких условиях и при том положении, что государственный капитализм есть капитализм. Теперь вышло иначе, и никакой Маркс и никакие марксисты не могли это предвидеть. И не нужно смотреть назад» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 117]. И не нужно «заглядывать» «в старые книги» – там написано совершенно не про то: там написано про тот государственный капитализм, который бывает при капитализме, но нет ни одной книги, в которой было написано про тот государственный капитализм, который бывает при коммунизме» [Ленин. Т. 45. С. 84]. Наш государственный капитализм – «это – капитализм до такой степени неожиданный, никем абсолютно не предвиденный» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 117–118]. Наш государственный капитализм – «не тот, о котором писали немцы. Это капитализм, допущенный нами... Капитализм мы допустили, но в тех пределах, которые необходимы крестьянству» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 119, 120].

Таким образом, наш государственный капитализм – не собственно «капитализм». Он – только наполовину капитализм, а наполовину – социализм. Эти «половинки» нашего госкапитализма будут соревноваться друг с другом, конкурировать друг с другом, они будут ограничивать и дополнять друг друга. Это будет соперничество и сотрудничество одновременно. Их соперничество, их соревнование даст сильный толчок развитию и сельского хозяйства, и промышленного производства. Поддерживаемые капиталистической частью новой социальной (нэповской) системы рыночные начала, мотивы получения прибыли будут стимулировать хозяйственную активность, способствовать гибкости в решении хозяйственных проблем, ускорению темпов экономического развития. Со своей стороны, социалистическая составляющая нашего госкапитализма будет существенно ограничивать эгоистические, эксплуататорские устремления капиталистического сектора, побуждая его работать на «общее дело», стимулируя развитие его социальных функций, цивилизуя и гуманизируя его, превращая, можно сказать, в «капитализм с человеческим лицом».

В связи со всем этим Ленину часто задавали вопрос его однопартийцы: «А не проиграем ли мы в этом соревновании? Ведь капитализм, как вы сами говорите, опытнее нас и превосходит в умении вести дело».

Вопрос не праздный. И Ленин не скрывал, что опасность потерпеть поражение в соревновании с капитализмом достаточно велика. Но у нас, уверял он, есть все шансы, чтобы избежать поражения, чтобы цивилизовать, ограничить капиталистические устремления. У нас есть все шансы, чтобы оптимистически смотреть в будущее.

В чем эти шансы заключаются? Почему мы можем оптимистически смотреть в будущее? «В чем наша сила?» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 95] – ставит вопрос Ленин. И отвечает, делая акцент на трех факторах:

- 1) «Политическая власть» – в наших руках.
- 2) «Основная экономическая сила – в наших руках. Все решающие крупные предприятия, железные дороги и т.д. – они все в наших руках».
- 3) Наконец, что крайне важно, мы идем на сотрудничество, на блок не со всеми частями капиталистического класса – только с мелкими и средними частными производителями. Крупных капиталистов («монополистов», «олигархов») отсекаем. Их основную часть мы убрали с общественной арены в первое же время после Октября – через национализацию и огосударствление крупных капиталистических предприятий и банков. И это было важной предпосылкой возможности (и успешности для нас) новой экономической политики. Экономически соревноваться с крупным капиталом малосильному в то время социалистическому хозяйственному сектору было бы не под силу.

Поэтому, утверждал Ленин, у нас есть все шансы успешно выйти из всех тупиков, в которые нас завела прежняя, военно-коммунистическая, политика и вступить на дорогу экономического прогресса.

Мы сказали, что предпосылкой успеха новой экономической политики является исключение из блока с капитализмом крупных капиталистических собственников. Но тут есть одно, но очень важное исключение. В этот блок все-таки допускается крупный капитал, но лишь в одной форме – в форме зарубежных концессий. «Концессии, – подчеркивал Ленин, – это блок с капитализмом передовых стран», «это экономический союз, блок, договор с передовым финансовым капиталом, в передовых странах» [X съезд РКП(б), 1963. С. 443]. Так что монополистический, олигархический капитал, по предложению Ленина, все же будет допущен. С одним «но»: это будет *зарубежный* капитал, у которого не будет возможности доминировать в экономическом блоке нэпа и которому нет нужды доминировать политически. От его возможных политических поползновений страна защищена всей мощью государства трудящихся, в том числе и военной. Да, экономически, не скрывает этого обстоятельства Ленин, он в первое время будет эксплуатировать нас весьма основательно. Да, значительно больший объем экономических выгод от нашего с ним сотрудничества будет доставаться ему, крупному зарубежному капиталу, мы же получим лишь небольшое увеличение продуктов. И – ничего! И – пусть! Пока нам все равно это выгодно. «Если мы дадим руду или лес концессионеру, – разъясняет Владимир Ильич, – он возьмет громадную долю этого продукта и даст нам небольшое доленое отчисление. Но для нас так важно увеличить количество продуктов, что и небольшое отчисление есть громадный плюс для нас. Небольшое улучшение положения городских рабочих, которое при помощи концессий будет обеспечено по договору и которое иностранному капиталу не представляет ни малейшей трудности, даже оно есть плюс, есть укрепление нашей крупной промышленности. И это, благодаря экономическому влиянию, послужит для улучшения положения пролетариата, для улучшения положения того класса, который держит в своих руках государственную власть» [X съезд РКП(б), 1963. С. 443].

Вот такой оригинальный союз намечает Ленин: союз, блок с зарубежным крупным капиталом для упрочения национального социалистического сектора, для усиления его позиций в соревновании с национальным мелким и средним капиталом. И это не утопический замысел. Крупный зарубежный капитал пойдет (и практика показала – шел!) на этот союз, ибо получал значительные экономические выгоды. Дотянуться до руля политической власти нашей страны у него не было ресурсов. Да ему и не нужны были *политические* выгоды. Ему с лихвой хватало *экономических*.

И, наконец, завершающее звено теории новой экономической политики – кооперация. Мысль о социалистическом значении кооперации появилась у Ленина спустя почти два года после X съезда, принявшего новую экономическую политику и сформулировавшего ее основополагающие принципы. В этой, принятой X съездом, концепции недоставало, как потом выяснил Ленин, очень важного звена. Там говорилось о соревновании социалистических и капиталистических элементов, крестьянского мелкобуржуазного хозяйства и плановой государственной экономики, о соревновании, которое должно было способствовать ускорению хозяйственного развития. Но оставался вопрос: а что же это «мелкое крестьянское хозяйство» так и будет оставаться на долгие и долгие годы в пространстве частной собственности, в пространстве капитализма? А нельзя ли найти пути, чтобы в ходе вышеназванного «соревнования» крестьянин приближался к коллективистским, социалистическим формам деятельности?

И вот эта форма была Лениным найдена – кооперация.

«Благодаря нэпу, – пишет он, – кооперация получила у нас совершенно исключительное значение» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 369]. И дальше еще громче, еще значительней: «...теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России»

[Ленин, 1964. Т. 45. С. 369–370]. И поясняет, в чем состоит это «гигантское, необъятное значение» кооперации: «...теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса..., степень подчинения его общим интересам» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 370]. Через кооперацию, то есть через совместную деятельность мелких частных собственников в различных сферах производства, потребления, распределения, руководствуясь своим частным интересом, крестьянин вступает в коллективистскую, потенциально социалистическую сферу деятельности вначале эпизодически, потом, видя пользу для себя объединения, кооперирования с себе подобными, делает дальнейшие шаги, укрепляя и развивая свои общественные связи. Иначе говоря, его «частный интерес» подталкивает его к коллективной, кооперативной деятельности, которая, вместе с социалистической деятельностью рабочего класса на государственных предприятиях, будет способствовать построению социалистического общества. Так, по Ленину, будет решаться задача – «чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 370].

Для Ленина приход к идее кооперации как форме перехода крестьянства «к новым порядкам, путем возможно более *простым, легким и доступным*» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 371] значил многое: его концепция новой экономической политики получила достойное завершение. Без этого, открытого Лениным, звена новая экономическая политика была неполна, ущербна. «Мы перегнули палку, – пишет он, – переходя к нэпу, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к нэпу, в том отношении, что забыли думать о кооперации» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 371].

Теперь найдены все звенья экономической деятельности, соединение которых способно обеспечить не только хозяйственный прогресс страны, но и ее прогресс в движении к социализму – в его новой, по сравнению с прежними представлениями о социализме, форме. «В самом деле, – пишет Ленин, – власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т.д. – разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации» мы получили бы «все необходимое для построения полного социалистического общества». «Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 370]; «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 373].

На этом создание концепции новой экономической политики (а по сути, концепции «нового социализма») было завершено. Сопряжение (соревнование, сотрудничество и противоборство) в рамках единого социального пространства плана и рынка, социализма и капитализма (мелкого и среднего), национальной экономики и крупного зарубежного капитала (концессии) с опорой на специфический «государственный капитализм» и кооперацию – **таковы главные черты этой новой теории послекapиталистического общественного развития. Таков результат пересмотренной Лениным прежней концепции социализма.**

Несколько добавлений для более глубокого и основательного понимания новизны ленинской точки зрения на социализм.

Нередко (или даже – как правило) нэп рассматривают не как новую концепцию социализма, а как некое временное «отступление» от «подлинного социализма». Минует-де время «отступления», и общество вновь вернется к тому, прежнему, «нормальному» социализму. Так перечеркивается фундаментальная новизна ленинского теоретического поиска.

Да, у Ленина встречается характеристика нэпа как «отступления». Но если вдуматься, если повнимательнее вчитаться в ленинские тексты, то нетрудно понять, о чем, о каком «отступлении», об «отступлении» от чего к чему идет речь.

Да, мы «отступили». От чего и к чему? От «социализма» к «капитализму», чтобы по прошествии некоторого времени вновь вернуться к тому социализму, от которого временно «отступили»? Ничего подобного! Ленин мыслит иначе: мы «отступили» от ряда наших прежних нереалистических, утопических установок и надежд, мы забежали «вперед»; не считаясь с реальностью и содержащимися в ней возможностями. Мы не в «социализм» забежали, от которого надо-де вернуться «назад», к капитализму. Мы забежали в Утопию, от которой надо вернуться к Реальности. И с точки зрения исторического развития это не «шаг назад», а «шаг вперед»⁶. Мы «отступаем», выскакиваем из тупика, где нет возможностей дальнейшего движения, из болота, в которое мы забрели, и где ожидает нас гибель. И Ленин находит способ выхода из этого болота на твердую грунтовую дорогу, по которой можно двигаться в будущее.

Ленин постоянно подчеркивает условность этого термина «отступление»: «мы сейчас отступаем, как бы (! – Г.В.) отступаем назад...» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 302]. В этом вся соль: мы не «отступаем», мы «как бы» отступаем, а в действительности делаем «шаги вперед».

И еще один важный аспект проблемы: соотношение нэпа и Октябрьской революции.

Ряд авторитетных (можно даже сказать, замечательных, талантливых) исследователей нэповской проблематики высказывают, однако, мысль, что нэп – это исправление ошибок, сделанных не только под влиянием прежней социалистической теории, но попытка исправления главной исторической ошибки большевиков – осуществленной ими Октябрьской революции. Нэп представляется ими как отрицание Октября, который-де был «тягчайшей ошибкой», толкнувший Россию на «тупиковый, гибельный путь».

У меня другая точка зрения.

Новая экономическая политика, «оживлявшая» капитализм, открывавшая капитализму двери на арену хозяйственной деятельности, ставила задачу: использовать потенциал капитализма, не допуская, однако, возможности его победы над социалистическим укладом – что и было условием экономического прогресса российского общества. А возможность ограничения капиталистических тенденций теория нэпа связывала с тем, что политическая власть находилась в руках трудящихся, и что были национализированы крупные капиталистические предприятия, и, следовательно, экономическая власть тоже была в руках Советского государства. Все это было условием успеха нэпа.

Но ведь именно Октябрьская революция и создала эти условия: она привела рабочий класс и его партию к политической и экономической власти. Без этого был бы невозможен даже разговор о нэпе.

Но не только Октябрь был предпосылкой нэпа. Новая экономическая политика, со своей стороны, высветила истинное содержание Октябрьской революции: оно не сводилось к задачам собственно социалистического характера. Вот свидетельство на сей счет самого Ленина. «Непосредственной и ближайшей задачей революции в России, – пишет Владимир Ильич, – была задача буржуазно-демократическая (*а отнюдь не социалистическая!* – Г.В.), свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза прогресса в нашей стране» [Ленин, 1964. Т. 44. С. 144]. И далее: «Мелкобуржуазные демократы (*меньшевики и эсеры.* – Г.В.) восемь

⁶ Именно так ставит вопрос Ленин: «...новая экономическая политика есть отступление, мы зашли дальше, чем могли удержать (курсив мой. – Г.В.)», «мы предпринимали (после Октябрьской революции. – Г.В.) каждый день с величайшей поспешностью... различные новые хозяйственные мероприятия, которые нельзя назвать иначе, как социалистическими. И все же я тогда полагал, что государственный капитализм по сравнению с тогдашним хозяйственным положением Советской республики представляет собой шаг вперед (курсив мой. – Г.В.), «государственный капитализм был бы шагом вперед (а не назад, не «отступлением»). – Г.В.) против теперешнего положения дел в нашей Советской республике», «госкапитализм», этот «несоциалистический элемент расценивается выше, признается вышестоящим, чем социализм» [Ленин, 1964. Т. 45: С. 8, 279–280].

месяцев (после февральской революции. – Г.В.) «соглашались» с помещиками, хранящими традиции крепостничества, а мы в несколько недель и этих помещиков и все их традиции смели с земли русской до конца» [Ленин, 1964. Т. 44. С. 146]. «Мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца» [Ленин, 1964. Т. 44. С. 144–145], «это значит – очистка социальных отношений (порядков, учреждений) страны от средневековья, от крепостничества, феодализма» [Ленин, 1964. Т. 44. С. 145]. Без решения этих задач, осуществленных Октябрьской революцией, все дальнейшие разговоры о «социализме», «госкапитализме», «кооперации», «концессиях», нэпе были бы абсолютно бессмысленны.

Не «тягчайшей ошибкой», а всемирно-историческим деянием была Октябрьская революция. Деянием, не лишенным целого ряда иллюзий и утопических установок. Вот их, и только их и стремился исправить нэп.

Это был, конечно, прорыв, новое слово в развитии социалистической теории. И это новое слово было реалистическим и эффективным – что сразу показала практика его реализации.

Но успехи нэпа оказались не долговременными. Через 5–6 лет после его провозглашения нэп был похоронен пришедшей к власти сталинской командой. Возвращались донэповские методы, родственные военному коммунизму. Плюралистическая экономическая демократия нэпа была заменена централизованной системой политического насилия, административно-командного диктата.

Причин этого много – и корыстные интересы бюрократии (возглавляемой сталинским руководством), и неумение (а чаще – нежелание) экономическими методами решать проблемы, возникающие при реализации нэпа. Но был еще один фактор, облегчавший сталинцам возможность похоронить нэп. Это незавершенность, недоработанность, ограниченность самой стратегии новой экономической политики.

Да, при возникновении нэп был, можно сказать, «живой водой» для умиравшей экономики страны. Он, действительно, оживил ее. Но в нэповской «реке» текла не только «живая», но и «мертвая» вода, существенно снижавшая качество и живительную силу воды «живой».

Ленин не смог (или не успел?) избавить нэповское течение от этой «мертвой воды».

ЛИТЕРАТУРА

- Буртин Ю. (1999). Другой социализм // Альманах «Красные холмы». М. С. 411–511.
- Геллер М., Некрич А. (1995). Утопия у власти. М.: Изд-во МИК.
- Десятый съезд РКП(б) (1963). Стенографический отчет. М.: Политиздат.
- XIII съезд РКП(б) (1963). Стенографический отчет. М.: Политиздат.
- Ленин В.И. (1963). О продовольственном налоге // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 43. М.: Политиздат. С. 205–245.
- Ленин В.И. (1964). К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч., изд. 5-е. Т. 44. М.: Политиздат. С. 144–152.
- Ленин В.И. (1964). Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 44. М.: Политиздат. С. 155–175.
- Ленин В.И. (1964). Доклад о новой экономической политике // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 44. М.: Политиздат. С. 193–213.
- Ленин В.И. (1964). XI съезд РКП(б). Политический отчет центрального комитета РКП(б) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. М.: Политиздат. С. 69–116.
- Ленин В.И. (1964). XI съезд РКП(б). Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП(б) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. М.: Политиздат. С. 117–130.
- Ленин В.И. (1964). Речь на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. М.: Политиздат. С. 300–309.
- Ленин В.И. (1964). О кооперации // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. М.: Политиздат. С. 369–377.
- Ленин В.И. (1965). Полн. собр. соч., изд. 5-е. Т. 54. М.: Политиздат.
- Люксембург Роза (1991). Рукопись о русской революции // Роза Люксембург. О социализме и русской революции. М.: Политиздат. С. 306–332.
- Маркс К. и Энгельс Ф. (1955). Сочинения. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Политиздат.

Маркс К. и Энгельс Ф. (1955). Сочинения. Изд. 2-е. Т. 2. М.: Политиздат.
Маркс К. и Энгельс Ф. (1955). Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. М.: Политиздат.
Маркс К. и Энгельс Ф. (1960) Сочинения. Изд. 2-е. Т. 16. М.: Политиздат.

Водолазов Григорий Григорьевич

gvodolazov@yandex.ru

Georgiy Vodolazov

doctor habilitatus in philosophy, professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University of the Foreign relations ministry of Russian Federation), Moscow.

gvodolazov@yandex.ru

LENIN'S HERITAGE: WATER LIVING AND DEAD (PART I)

Abstract. Summing up the lessons of the October Revolution and the first years of the post-October development, Lenin stated: "We have to admit a fundamental change in our whole point of view on socialism". This way the question was raised about the need to create a theory of renewed socialism that meets the conditions of the 20th century. The theory that would solve the problem: how, leading society out of the deadlocks of capitalism, does not plunge it into other dead ends – the dead ends of an authoritarian-bureaucratic system. In this context the article analyses the contribution made by Lenin to the theory of renewed socialism (about it – in the first part of the article published in this issue of the journal)

The following question is posed: what of Lenin's legacy can be included in modern socialist theory, what is discarded and how can it be supplemented, based on the realities of the 21st century (about it – in the second part of the article that will be published in the next issue of this journal).

Key words: *The October Revolution, military communism, NEP, socialism, pluralism.*

JEL: B14, B24.

REFERENCES

- Burtin Jurii* (1999). *Drugoi sozializm [A different socialism]*. Almanah "Krasnii holmi". M.
- Geller Mihail, Nekrich Aleksandr* (1995). *Utopija u vlasti [Utopia in power]*. M.: Isd-vo MIK.
- Desjatii sjesd RKP (b)* (1963). *Stenograficheski otchet [Verbatim record]*. M.: Politisdat.
- XIII sjesd RKP* (1963). *Stenograficheski otchet [Verbatim record]*. M.: Politisdat.
- Lenin V.I.* (1963). *O prodovolstvennom naloge [On the food tax] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 43. Pp. 205–245.*
- Lenin V.I.* (1964). *K chetirehletnei godovtchine Oktjabrskoi revolucii [To the four-year anniversary of the October revolution] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 44. M.: Politisdat. Pp. 144–152.*
- Lenin V.I.* (1964). *Novaja ekonomicheskaja politika i zadachi politprosvetov [The New economic policy and the tasks of political education workers] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 44. M.: Politisdat. Pp. 155–175.*
- Lenin V.I.* (1964). *Doklad o novoi ekonomicheskoi politike [Report on the new economic policy] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. M.: Politisdat. Pp. 193–213.*
- Lenin V.I.* (1964). *XI sjesd RKP (b). Sakluchitelnoe slovo [Final word on the political report of the Central Committee of the RCP (b)] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 45. M.: Politisdat. Pp. 117–130.*
- Lenin V.I.* (1964). *Rech na plenum Moskenskogo Soveta 20 nojabrja 1922 g. [Speech at the Plenum of the Moscow Council on November 20, 1922] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. M.: Politisdat. Pp. 300–309.*
- Lenin V.I.* (1964). *O kooperacii [On cooperation] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. M.: Politisdat. Pp. 193–213.*
- Lenin V.I.* (1964). *XI sjesd RKP (b). Politicheskii otchet CK RKP (b) [Political report of the Central Committee of the RCP] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 45. M.: Politisdat. Pp. 69–116.*
- Lenin V.I* (1965). *Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]*. T. 54. M.: Politisdat.
- Luxemburg Rosa* (1991). *Rukopis o russkoi revolucii [The manuscript of the Russian revolution] // Rosa Luxemburg. O sozialisme i russkoi revolucii. M.: Politisdat. Pp. 306–332.*
- Marx K. i Engels F.* (1955). *Sochinenija [Works]*. T. 1. M.: Politisdat.
- Marx K. i Engels F.* (1955). *Sochinenija [Works]*. T. 2. M.: Politisdat.
- Marx K. i Engels F.* (1955). *Sochinenija [Works]*. T. 4. M.: Politisdat.
- Marx K. i Engels F.* (1955). *Sochinenija [Works]*. T. 16. M.: Politisdat.